

История

Восточная экспансия России на рубеже XIX–XX веков и отношение к ней в Америке

© 2019

С.А. Спартак

В статье рассматриваются различные аспекты продвижения России на Восток в конце XIX — начале XX в., включая экономические и политические составляющие этого процесса. Показаны причины усилившегося столкновения интересов России и США на Дальнем Востоке, вплоть до первого системного кризиса в двусторонних отношениях под влиянием российской экспансии в северном Китае и Русско-японской войны. Проанализированы основные позиции американской общественной мысли того времени в связи с восточной политикой России. Сделан вывод, что «дальневосточный фактор» способствовал негативизации образа России в представлениях американцев.

Ключевые слова: экспансия, Дальний Восток, соперничество, кризис, война, рынок, критика, настроения.

DOI: 10.31857/S013128120005308-9

Продвижение России на Восток в конце XIX — начале XX в. содержательно имело две основные составляющие: хозяйственное освоение Сибири и Дальнего Востока собственной страны, а также усиление политического и экономического влияния России в близлежащих дальневосточных государствах. Экономическая и геополитическая экспансия России в дальневосточном направлении развивалась на фоне растущего понимания стратегической важности данного региона для будущего мировой экономики и международных отношений.

Исторический контекст и социально-экономические предпосылки восточной экспансии России

На протяжении большей части XIX в. усиление позиций России в Сибири и на Дальнем Востоке не вызывало серьезных опасений со стороны США и других ведущих мировых игроков того времени. В 1860-х годах, в период Гражданской войны в США, когда Россия оказала прямую военно-политическую поддержку северным штатам, и в первое время после ее окончания российско-американские отношения строились как исключительно дружественные, союзнические. Россия на государственном уровне очень чутко

Спартак Сергей Андреевич, аспирант факультета политологии МГУ им. М.В. Ломоносова.
E-mail: sspartak@yandex.ru.

отреагировала на убийство президента А. Линкольна в 1865 г. В свою очередь, американский Конгресс после покушения на Александра II в 1866 г. одобрил специальную резолюцию, поздравлявшую царя с чудесным спасением. Причем доставил эту резолюцию в Петербург лично заместитель морского министра США.

В 1867 г. после нескольких лет обсуждения была заключена беспрецедентная по размеру отчуждаемых территорий сделка по продаже Аляски и других принадлежавших России американских территорий Соединенным Штатам. На тот момент сделка была выгодна и России, и США. Первая испытывала финансовые трудности, несла большие расходы по защите и содержанию крайне отдаленных американских территорий, не покрывавшиеся приносимыми доходами, тогда как США значительно усиливали свои позиции на американском континенте и получали огромную территорию со всеми ее ресурсами за весьма умеренную плату в 7,2 млн долл.¹ (напомним, что двадцатилетием раньше, в середине 1840-х годов в преддверии Американо-мексиканской войны правительство США предлагало Мексике за передачу двух ее территорий — Калифорнии и Новой Мексики 30 млн долл.).

Однако последовавшие фундаментальные изменения в мировой и региональной экономике привели к серьезному столкновению интересов России и США на Дальнем Востоке, вплоть до первого в истории двух стран полномасштабного геополитического противостояния в период Русско-японской войны 1904–1905 гг. Такому развитию событий способствовали, с одной стороны, формирование идеологии и возможностей для глобального лидерства США, усиление конкуренции за рынки сбыта, а с другой — достаточно успешное, по многим направлениям, продвижение России на Восток.

После окончания гражданской войны США испытали экономический подъем, стремительное развитие крупной машинной индустрии, повсеместное повышение производительности труда. Все это привело к быстрому росту экономического потенциала Соединенных Штатов, национальной конкурентоспособности, значительному расширению возможностей участия США в международном обмене. Произошла фактически глобализация экономических и военно-политических интересов США, что сделало их агрессивным игроком, начавшим борьбу за передел сфер влияния в мировом масштабе, включая ведение военных действий (характерный пример — Испано-американская война 1898 г., завершившаяся потерей Испанией ряда своих колоний).

США на рубеже столетий стали мощной державой, с соответствующими амбициями и комплексом превосходства, чувством исключительности американской нации. Доля США в мировом ВВП увеличилась с менее 2% в 1820 г. до почти 9% в 1870 г. (сравнилась с Великобританией) и достигла 19% к 1913 г., то есть Соединенные Штаты заняли лидирующее положение в мировой экономике². Особенно заметны были успехи США в обрабатывающей промышленности, все более нуждавшейся во внешних рынках сбыта.

Ускорение процесса мировой взаимосвязанности в условиях повышения транспортной доступности и сокращения издержек перевозки грузов (за счет технологических нововведений, включая совершенствование парового двигателя, массового строительства железных дорог и др.), быстрого прогресса крупной машинной индустрии, в значительной степени ориентированной на экспорт, сделало мировой рынок более тесным и конкурентным. В результате значительно возросла конфликтность в международной торговле, что не могло не затронуть российско-американские отношения. США и Россия стали соперниками на ряде значимых товарных (зерновые хлеба, лесоматериалы, нефть и нефтепродукты) рынков, в том числе на Дальнем Востоке.

Усиливалась конкуренция между США и Россией за емкий китайский рынок, где поначалу Соединенные Штаты выступали успешнее: их доля в импорте Китая выросла с примерно 1% в 1870 г. до более 10% к концу XIX в. и приближалась к 20% в первые годы XX³. При этом увеличивались и поставки из России, особенно после ввода в строй Транссибирской железнодорожной магистрали и Китайско-Восточной желез-

ной дороги (КВЖД). Доля России в суммарных закупках Китая поднялась до 6% в 1905 г., 17–18% в начале 1910-х годов и приблизилась к аналогичному показателю для США. В 1900–1913 гг. динамика ввоза товаров Китаем из России заметно опережала прирост американо-китайской торговли⁴, которая развивалась неравномерно и в отдельные годы сильно сокращалась.

В период конца XIX — начала XX в. отмечалось значительное повышение хозяйственной активности России на своих сибирских и дальневосточных территориях. Этому способствовал ряд факторов.

Во-первых, по мере развития капитализма и устранения крепостнических пережитков заметно возросла подвижность населения в различных формах, которое к тому же быстро увеличивалось (в 3,5 раза в течение XIX в. и, согласно всеобщей переписи 1897 г., составляло 126 млн человек). Важнейшим направлением миграции было передвижение сельскохозяйственных рабочих из центральных и южных губерний на восточные окраины, где они принимались за обработку новых земель. В итоге население восточных губерний росло быстрее, чем в целом по европейской России⁵. В первые пореформенные десятилетия в силу ограничительной политики правительства преобладали самовольные переселения крестьян в Сибирь, но с конца 1880-х годов для смягчения остроты аграрного вопроса в европейской России и более планомерного заселения восточных территорий стали применяться определенные льготы для переселенцев. Так, в 1889 г. были приняты «Правила о переселении сельских обывателей и мещан на казенные земли» (устанавливали для них право на получение ссуд на продовольствие и покупку семян, освобождение от уплаты казенных сборов и арендных платежей на три года, также прощались все недоимки и оставшиеся выкупные платежи в местах прежнего проживания), в 1894 г. введены «Временные правила о пособиях от правительства нуждающимся семействам переселенцев», а в 1909 г. вступил в силу закон «О порядке выдачи ссуд на общепользные надобности переселенцев»⁶.

Во-вторых, улучшалось транспортное сообщение между центром и отдаленными территориями империи. В 1890-х годах была построена Транссибирская магистраль, имевшая очень важное значение для заселения и хозяйственного освоения восточных регионов страны, развития там торгового земледелия и животноводства, расширения экономических связей с восточноазиатскими странами, в первую очередь с Китаем. По этому поводу тогдашний министр финансов России С.Ю. Витте в докладе о значении Сибирской магистрали для экономического развития страны писал: «Китай, Япония и Корея, население которых в совокупности не менее 460 млн, а современные обороты международной торговли не менее 500 млн руб. золотом, далеко не развили своих торговых отношений с Европой до возможного предела, а скорее в этом отношении переживают еще начальный фазис. Неудивительно поэтому, что народы европейской цивилизации прилагают громадные усилия для овладения восточными азиатскими рынками, не останавливаясь ни перед какими затратами»⁷.

В-третьих, были сформированы кредитные институты для поддержки предпринимательства на Востоке России и развития торговли с восточноазиатскими странами, включая Сибирский торговый банк, Русско-Китайский банк (в 1910 г. в итоге его слияния с Северным банком был основан Русско-Азиатский банк).

Во внешнем дальневосточном контуре Россия выступала достаточно агрессивным игроком, рассчитывая за счет усиления своего военно-политического и экономического присутствия в данном регионе смягчить нараставшее внутри страны недовольство царским режимом. Отношение США к российской политике на зарубежном Дальнем Востоке формировалось, прежде всего, под влиянием закрепления России в Северном Китае и эскалации российско-японского военно-политического противостояния.

После короткой победоносной войны с Китаем в 1894–1895 гг. Япония получила контроль над Ляодунским полуостровом, а также утвердила свое влияние в Корее. Одна-

ко такое усиление Японии не понравилось России, Франции и Германии. Уже в 1896 г. под давлением европейских стран Япония была вынуждена отказаться от Ляодунского полуострова и своего единоличного присутствия в Корее.

В свою очередь, в 1896 г. Российская империя заключила с Китаем концессионный договор на строительство КВЖД (введена в строй в 1903 г.), а в 1898 г. добилась от Китая аренды южной части Ляодунского полуострова и Порт-Артура, который впоследствии стал ее главной военно-морской базой на Дальнем Востоке. В 1900 г., во время восстания ихэтуаней в Китае, русские войска оккупировали Маньчжурию, что вызвало уже резкое противодействие со стороны Японии, Великобритании и США, которые не желали усиления российского влияния в Северном Китае.

Действия Российской империи в Маньчжурии вынудили Японию подписать с Великобританией союзный договор 1902 г., в результате которого Россия, под международным давлением, пошла на соглашение с Китаем и обязалась вывести войска из Маньчжурии в течение восемнадцати месяцев. Вместе с тем российская сторона затягивала выполнение соглашения, что привело к резкому обострению ее отношений с Японией. В 1903 г. царское правительство потребовало от китайских властей гарантий, что Маньчжурия не будет сдана в аренду другому государству без согласия России, на что Китай, при поддержке Японии и Великобритании, ответил решительным отказом. После этих событий, в июле 1903 г., Япония предложила России план раздела сфер влияния в Северном Китае, однако переговоры быстро зашли в тупик и только усугубили ситуацию. 23 января 1904 г. Япония разорвала дипломатические отношения с Россией, а в ночь с 26 на 27 января 1904 г., не дожидаясь объявления войны, японская эскадра напала на российский Тихоокеанский флот в Порт-Артуре.

В рассматриваемый период конца XIX — начала XX в. регион Дальнего Востока приобрел особое значение в американской геополитике в силу большого и перспективного экономического и ресурсного потенциала, невысокой степени его колонизации и возможностей выстраивания новых альянсов, возросшей транспортной доступности. Еще перед началом Испано-американской войны республиканцы в США реанимировали идею «явного предназначения» — идеологический концепт развертывания США от океана до океана⁸. Фактически и США, и Россией политика экспансии на Дальнем Востоке использовалась в контексте укрепления национальной идентичности. Соперничество двух стран на дальневосточном треке стало наиболее масштабным столкновением геополитических и экономических интересов США и России на мировой арене. И как таковое оно не могло не стимулировать американскую общественно-политическую мысль широко и предметно обратиться к этой проблематике.

Продвижение России на Восток в восприятии американцев

Американские политики и исследователи, общественное мнение не могли обойти своим вниманием активизацию хозяйственного освоения Россией ее сибирских и дальневосточных территорий, усиление российского присутствия в экономическом и геополитическом пространстве Дальнего Востока. Тема колонизации новых земель была в принципе очень близка Америке, покупка Аляски максимально приблизила Соединенные Штаты к дальневосточным территориям России, уже на тот момент был очевиден огромный природно-ресурсный потенциал российских Сибири и Дальнего Востока, а бурный экономический рост в США объективно ставил задачи оценки возможностей доступа в будущем к зарубежной ресурсной базе.

В отношении американцев к восточной политике России следует разделять два аспекта и два периода. Два аспекта — это отношение к освоению Россией собственных сибирских и дальневосточных территорий, где в основном преобладали сбалансированные оценки (хотя со временем, по мере ухудшения общеполитического контекста,

усиливались критические взгляды), и восприятие американцами внешней экономической и политической экспансии России на Дальнем Востоке, который США все более рассматривали как зону своих жизненно важных интересов. Здесь практически изначально доминировали негативные оценки, делавшиеся лидерами общественного мнения США как с цивилизаторских, экономических, так и с военно-политических позиций. Два периода — это, с одной стороны, конец XIX в. с преобладанием аспектов экономического продвижения России на Восток, что более миролюбиво воспринималось американской общественностью, а с другой — самое начало XX в., когда Россия стала наращивать свое военно-политическое присутствие на Дальнем Востоке, что, по мнению американцев, угрожало их стратегическим интересам в данном регионе и должно было получить жесткий отпор.

Большая часть американских исследователей и политиков отмечали успехи России в освоении своих восточных и дальневосточных территорий, видели в этом важный вклад в будущее страны, но также указывали на трудности данного процесса. Одновременно подчеркивалось, что экспансия России в восточном направлении затрагивает интересы США, в том числе на китайском рынке, но в то же время приводились аргументы в пользу сотрудничества, а не конфронтации с Россией, что лучше соответствовало интересам США на том этапе.

В числе писавших о восточной политике России — 25-й вице-президент Соединенных Штатов (будущий президент США в 1901–1909 гг.) Теодор Рузвельт, приветствовавший хозяйственное продвижение России на Дальнем Востоке, хотя и понимавший, что в дальнейшем это может создать трудности для реализации интересов его собственной страны (подробнее о позиции Т. Рузвельта см. ниже). Схожих позиций придерживались такие исследователи, как Э. Гросвенор, Дж. Райт, конгрессмены Э. Дж. Хилл и А. Беверидж, работавшие в России американские дипломаты Г. Пирс и У. Маккарти.

В своих работах о России профессор Эдвин Гросвенор рассматривал освоение Сибири Россией как большое достижение и серьезный прогресс, называл Ермака «Кортесом славян», сравнивая русских с европейскими конкистадорами. Гросвенор оценивал выход России к восточным морям и основание Владивостока как свидетельство прогресса. Однако Гросвенор отмечал и недостатки, считал колонизацию Сибири очень медленной, сетуя на то, что механизмы, способствующие развитию новых территорий, появились достаточно поздно — Транссибирская железная дорога и программа оказания помощи волонтерам-переселенцам были запущены лишь на рубеже XIX–XX вв. Гросвенор прибегал к сравнению Соединенных Штатов с Сибирью, ведь Американская республика тоже когда-то была колонией и местом ссылки, как и Сибирь. И в продолжение этой мысли автор полагал, что именно Сибирь должна стать отправной точкой политического обновления Российской империи. Специальное внимание историк уделил «азиатскому вопросу». Рассуждая о перспективах продвижения Российской империи на Восток, Гросвенор писал, что после строительства Транссибирской магистрали царское правительство станет хозяином в этом регионе и одновременно обладателем безграничных природных ресурсов, которыми богата данная территория. Это, по его мнению, сильно затрагивало интересы Запада, прежде всего США. Однако пока, в понимании Гросвенора, Российская империя действует сдержанно и на Дальнем Востоке скорее выполняет цивилизаторскую миссию, не создавая угроз для западных интересов, и единственным соперником в этом регионе остается Япония⁹.

Отдельного внимания заслуживают мнение и труды Джорджа Фредерика Райта, отмечавшего особую важность дальневосточного региона и большой потенциал его развития. С 1900 по 1902 г. Райт совершил путешествие по России и Азии, а по возвращении на родину вышла его двухтомная работа — «Азиатская Россия», которая еще длительный период времени считалась одной из лучших по данной теме. В своих выступлениях и статьях профессор был своего рода оппонентом Джорджа Кеннана¹⁰, и если Кен-

нан обрушивался с критикой на царскую Россию и считал неприемлемым почти все, что имело хоть какое-то отношение к правительству, то Райт, наоборот, вставал на защиту существующего режима. В ответ на критику системы ссылок и тюрем в России он приводил пример устройства американской системы исполнения наказаний и указывал на ее серьезные недостатки. Централизацию власти и ее сосредоточение в одних руках профессор называл абсолютно нормальным явлением для крупных многонациональных государств и сравнивал Российскую империю с более отсталыми странами Восточной Азии, подмечая ее позитивные отличия от последних. Райт в целом позитивно оценивал Российскую империю и верил в ее будущее, желая Америке как можно скорее встать на прежний путь дружбы и сотрудничества с Россией¹¹.

Важную роль в осмыслении американской политической элитой процессов на Дальнем Востоке и участия в них России сыграла поездка в 1901 г. члена палаты представителей Э.Дж. Хилла и сенатора Альберта Бевериджа в сибирские и дальневосточные регионы Российской империи. Беверидж изначально активно выступал в поддержку имперских амбиций США на Дальнем Востоке, но после своего возвращения утверждал, что нужно сохранять и улучшать межгосударственные отношения с Россией, потому что именно она будет определять условия хозяйствования на Востоке и способна продвигать американские товары в этом регионе. По мнению Бевериджа, нужно переориентироваться и взять курс на сближение с царским правительством вместо сближения с Китаем. В 1903 г. выходит его книга «Прогресс России», в которой он подробно характеризует итоги своего путешествия и высказывает идеи по поводу перспектив дальнейшего сотрудничества США и России, а также относительно будущего самой России. В тот момент уже началась Русско-японская война, спровоцировавшая глубокий кризис в российско-американских отношениях, поэтому указанная работа вызвала противоречивую реакцию в американском обществе¹².

И Хилл, и Беверидж считали, что дружба с Россией необходима, и здесь дело не только в том, что Америке это просто выгодно, но и в том, что Российская империя — исторический друг США, который всегда поддерживал молодую республику в трудную минуту, да и, наконец, отношение у русского народа к американцам самое благоприятное. Одновременно конгрессмены призывали усилить экономическое влияние Соединенных Штатов на Дальнем Востоке и в Сибири и использовать этот канал для закрепления интересов США, а также для развития торговли с Китаем¹³.

Хилл, как и Гросвенор, сравнивал Сибирь с западными территориями Соединенных Штатов, однако отмечал, что несмотря на некоторое сходство, Сибирь и Штаты — разные категории. Конгрессмен был приятно удивлен добротой и простым нравом жителей Сибири, высказывал твердое убеждение, что не стоит пытаться реформировать Россию на западный манер, ведь Россия — огромная страна со своими многовековыми традициями, идущая собственным историческим путем, и американцам лучше не вмешиваться в ее внутренние дела. Всю критику в адрес царского правительства Хилл не опровергал, но в то же время подчеркивал, что и правительство Соединенных Штатов не лишено недостатков. «К тому же все развивается, и русские, которых направляет превосходный министр финансов С.Ю. Витте, не самые отсталые из народов»¹⁴ — таким выводом заканчивал свою работу Хилл.

Беверидж давал высокую оценку продвижению России на Дальнем Востоке и считал, что такая дипломатическая, финансовая и торговая экспансия заслуживает уважения и многим западным странам, в том числе самим Соединенным Штатам, следует брать с Российской империи пример. Соответственно, на взгляд Бевериджа, поддержание дружеских и деловых связей с Россией — необходимость для США¹⁵. Как и ряд других политических деятелей Америки того периода, Беверидж видел в России выгодного партнера для защиты и продвижения интересов американцев в Китае.

Рассуждая о развитии России, Беверидж, вслед за многими другими американскими исследователями, проводил параллели с Соединенными Штатами и отмечал большое преимущество у последних. Масштабное строительство железных дорог проходило в США намного успешнее, чем в России. Беверидж объяснял это особым характером и активной жизненной позицией американцев, чего русские были, по его мнению, лишены. В данном контексте сенатор жестко критиковал славянофилов, выступавших за сохранение крестьянской общины, которая, по его мнению, сильно сдерживала прогресс государства и стесняла развитие русского духа. Подчеркивая превосходство Америки над Россией по многим критериям, Беверидж не умалял заслуги правительства Николая II в части модернизации страны, хвалил работу Витте и других министров, указывал на рост грамотности и ослабление всеми ненавидимой цензуры¹⁶.

Работавшие в России американские дипломаты, в силу своей более глубокой вовлеченности в российские дела, лучшего понимания внутренних реалий и российской специфики, в основном положительно оценивали деятельность царского правительства, в том числе в Сибири и на Дальнем Востоке. В частности, секретарь американского посольства Г. Пирс, как и Беверидж, хотя и критиковал аграрную систему, которая сложилась в России, никак не соглашался с теми, кто считал, что у России нет будущего, отмечая экономические успехи империи за последние 15 лет, и призывал прекратить любую критику системы исполнения наказаний. По мнению Пирса, централизованное единоличное управление, учитывая особенности развития государственности и национального характера, более чем какой-либо другой политический режим подходило России¹⁷. В этом Пирса поддерживал военный атташе У. Маккарти, считавший, что своих успехов Россия добивается благодаря особой системе управления, где нет нужды ждать одобрения правительственных решений от законодательного органа, которого и вовсе не существовало на тот момент. Маккарти предрекал мощный экономический подъем Российской империи после завершения освоения Дальнего Востока, чему, в том числе, будет способствовать Транссибирская магистраль¹⁸.

Наряду с умеренно-позитивными взглядами на продвижение России на Восток и кооперационным видением отношений США и России в дальневосточном регионе, в американском общественно-политическом дискурсе усиливались суждения о российской восточной политике с негативной коннотацией, рассматривая ее как угрозу жизненно важным американским интересам. США предлагалось более активно и жестко осуществлять экспансию на Дальнем Востоке. Причем именно такие подходы впоследствии были приняты на вооружение в практической политике Соединенных Штатов и наиболее масштабно проявились в период Русско-японской войны.

О том, что США надо всерьез задуматься об освоении Сибири, еще в 1891 г. американский историк Генри Адамс писал политику-республиканцу Генри Лоджу: «Россия на грани срыва, она политически и морально истощена, система устарела и разлагается... И если так будет продолжаться, то у Америки есть все шансы занять Сибирь»¹⁹. В преддверии наступления нового столетия, в 1899 г. сенатор У.Д. Фульк выпустил второй том своей книги «Славянин или Сакс», где характеризовал соперничество России и США в дальневосточном регионе «как великую битву между государствами за сферу влияния, от которой зависела судьба всего человечества», как «битву славянина и сакса», полем которой выступал Дальний Восток²⁰.

Можно выделить двух исследователей, идеи которых оказали наибольшее влияние на внешнюю политику Соединенных Штатов на Дальнем Востоке и на образ России, которая все более стала восприниматься как угроза, препятствие для реализации американских экономических и политических интересов. Это — Альфред Мэхэн и Брукс Адамс. Оба историка были убеждены, что Соединенным Штатам, как сверхдержаве, экспансия на Дальнем Востоке была просто необходима, и что судьба мирового порядка зависит от исхода «битвы» за китайский рынок.

Мэхэн является основателем идеи «морской силы» (sea power) и считается родоначальником геополитики. Как ведущий исследователь в этой области, он был убежден, что именно Российская империя, а не кто-либо другой, может создать серьезную угрозу для продвижения американских интересов на Дальнем Востоке и считал русских «безжалостными лживыми варварами, какими и подобает быть азиатам»²¹. Другой идеолог американской экспансии — историк и философ Б. Адамс разделял точку зрения Мэхэна по поводу основного конкурента Соединенных Штатов на Дальнем Востоке — Российской империи. Б. Адамс связывал необходимость экспансии для американцев с внутренними преобразованиями собственной страны. Он утверждал, что любая экспансия — двигатель прогресса, ведь она заставляет увеличивать производство, повышать производительность, стимулирует просвещение, инженерно-техническую и социально-политическую мысль.

После своего путешествия по России в самом начале XX в. Б. Адамс писал, что России будет очень сложно покорить и поставить под свой контроль рынок Поднебесной империи. Этому, по его мнению, мешали такие качества русских, как леность, необразованность, расточительность, наличие которых само себе не позволяло им справиться с задачей такого масштаба. Учитывая сказанное, Адамс считал, что цивилизаторскую миссию в Китае должна выполнить более развитая нация — американская: «американцам судьбой предписано покорить азиатскую окраину»²².

Особую позицию в отношении российской экспансии на Дальнем Востоке и вытекающих из этого задач для Соединенных Штатов занимал видный американский политолог и дипломат Пол Самюэль Рейнш. Он полагал, что мотивы российской экспансии на Дальнем Востоке имеют специфический характер, а ее последствия могут состоять в еще большем отдалении России от западной цивилизации.

В своей книге *World Politics at the End of the 19th Century* (1900 г.) Рейнш развивает эти идеи²³. Политолог поддерживал движение России на Дальний Восток, отмечая, что любая сверхдержава имеет «естественное» право на экспансию с единственной оговоркой — чтобы она не нарушала национальных интересов другой сверхдержавы. Рейнш признавал за Россией лидирующую роль на Дальнем Востоке, объясняя это не только близостью границ, но и самой природой государственного устройства России, которое он относил к восточноазиатскому типу.

В продвижении Российской империи на Восток Рейнш, как говорилось выше, усматривал отдаление от западной цивилизации: «К большому сожалению, все эти события, как правило, лишь подчеркивают азиатский характер Российской империи и все больше отчуждают ее от западной и, особенно, англосаксонской цивилизации». Что также важно, освоение новых территорий сплачивает население и укрепляет самодержавие в лице Царя, целиком или частично отодвигая в будущее решение ключевых проблем внутреннего развития: «Нет никаких сомнений, что успешная экспансия на Дальнем Востоке лишь усилила авторитарный режим Российской империи. Российское правительство так преуспело в приобретении новых территорий и в предоставлении новых земель своему населению, что голоса нигилизма и либерализма были заглушены хвалебными возгласами в адрес самодержавия. Никогда прежде усилия российского правительства по подавлению национальных протестов в Польше и Финляндии не были такими успешными. Еще никогда российское правительство не было таким сильным в решении своих внутренних проблем. Любая мысль о предоставлении народу Конституции, которая бы ограничивала власть монарха по западному образцу, была бы немедленно отклонена»²⁴.

Целью российской экспансии Рейнш считал не борьбу за рынок Поднебесной, так как индустриализация сравнительно слабо касалась России и ее промышленность не создавала излишков продукции, а получение новых территорий для землепользования. «Следует еще раз отметить тот факт, что российская экспансия — это не столько борьба

за рынки, ибо развитие промышленности не позволяло удовлетворить свой собственный внутренний рынок, а скорее борьба за землю для обеспечения постоянного расширения территории для сельскохозяйственных работ. В этом состоит фундаментальное отличие Российской империи от других стран, осуществляющих экспансию на Дальнем Востоке, для которых самое важное — рынки»²⁵.

Рейнш подчеркивал невероятную способность Российской империи абсорбировать целые народы и предвещал, что с Дальним Востоком будет точно так же. В связи с этим, учитывая интересы Соединенных Штатов в данном регионе, он полагал, что нужно осторожно, взвешенно подходить к развитию ситуации, чтобы не навредить американо-русским отношениям и не подтолкнуть Россию к полному отказу от западных ценностей: «Русское продвижение и русские усилия по расширению границ цивилизации ценны для всего человечества. Если русская нация в действительности лучше других проводит процесс ассимиляции восточных национальностей, если она более других европейских стран может распространить цивилизацию среди азиатов, сопротивление ее продвижению является бессмысленным. В то же время такое сопротивление породит враждебность и полное отчуждение от западных идеалов. Ее (России. — *Авт.*) прогресс очень медленный. Любая попытка нарушить привычные имперские методы экспансии приведет к краху всей ее политики»²⁶.

Резюмируя, Рейнш утверждал, что чем бы не завершилась российская экспансия на Восток, для американцев этот регион все равно останется очень привлекательным, поскольку, в отличие от России, Соединенным Штатам нужен емкий китайский рынок, который в любом случае будет открыт для американских товаров и капиталов, так как и сама Россия в них нуждается. В завершение своего труда Рейнш указывал на имеющийся потенциал для расширения сотрудничества с Россией: «Когда мы понимаем, что наши западные владения находятся в непосредственной близости от новых русских территорий, в то время как другие государства находятся очень далеко, а также то, что Россия нуждается в наших товарах для развития Сибири, соблюдая режим наибольшего благоприятствования для Соединенных Штатов, стоит задуматься о том, что это многообещающее поле для взаимодействия между нашими странами, выгодное нашему государству»²⁷.

Демонизация образа России в США в преддверии и в период Русско-японской войны

По мере роста масштабов и кристаллизации интересов Соединенных Штатов на Дальнем Востоке, усиления критики царской власти в США и в целом ухудшения восприятия России американцами, в том числе в связи с проводимой самодержавием жесткой внутренней и внешней политикой, тональность американского дискурса по дальневосточной проблематике поменялась на однозначно негативную для Российской империи.

В США очень внимательно следили за событиями, происходившими на Дальнем Востоке в первые годы XX в. В своей статье в журнале *Forum* американский историк и журналист Альфред Маурис Лоу²⁸, характеризуя позицию США в связи с действиями России в Маньчжурии, писал о том, что «Соединенные Штаты — тихоокеанская держава, поэтому США не могут оставаться пассивным наблюдателем событий на Дальнем Востоке и должны взять на себя функции международного арбитра в этом регионе. Будучи тихоокеанской державой, Соединенные Штаты не могут быть равнодушными к нарушению политического равновесия, при котором одна из сторон находится в доминирующем положении, по сравнению с другими»²⁹. А. Лоу усматривал закономерность в российской оккупации Маньчжурии, однако отмечал, что такие действия со стороны России идут вразрез с интересами США на Дальнем Востоке. «Россия захватила Маньчжурию

по достаточно объективным политическим и экономическим причинам. Благодаря оккупации Россия усилит свое влияние в Северном Китае и получит порт в Тихом океане с хорошо укрепленной базой в Японском (Желтом. — *Авт.*) море... Такое усиление России напрямую противоречит интересам Соединенных Штатов. Наряду с Великобританией, США являются крупнейшим трейдером в Маньчжурии и, согласно мнению экспертов, торговые обороты будут только увеличиваться, так как данный регион является отличным рынком для избыточного продукта американских хлопчатобумажных фабрик и нефтяных компаний. До тех пор, пока двери, ведущие в Маньчжурию, остаются открытыми для всего мира, Соединенные Штаты на равных условиях могут конкурировать с остальными державами и извлекать прибыль, но если Россия, используя свое доминирующее положение в этом регионе, установит дополнительные тарифы, которые будут дискриминировать иностранных производителей в пользу российских, то США потеряют эти рынки сбыта»³⁰.

Осуждая нерешительные действия европейских государств по противодействию политике Российской империи на Дальнем Востоке, А. Лоу писал о негативном влиянии российской экспансии на страны этого региона, заканчивая свою мысль критикой самой России: «Мы наблюдаем любопытную фазу цивилизации двадцатого века. Россия, будучи наименее цивилизованным и наименее прогрессивным государством из всех современных крупных держав, диктует свои условия на Дальнем Востоке. Россия отстает от развитых стран абсолютно по всем параметрам, за исключением численности вооруженных сил. Есть поговорка — «цивилизация приходит с ружьем», но, например, английская экспансия, помимо ружья, несет и печатный станок, и школьное образование. Завоеванная Англией Индия сейчас является государством, где есть свобода прессы и свобода вероисповедания. США, в свою очередь, несут цивилизацию на Филиппины, где за ружьем так же, как и в случае с Англией, следует школьный учитель. Но можно ли сказать то же самое о России? Чем российская цивилизация лучше китайской? Можно ли ожидать, что Россия предоставит иностранцам те права, которыми не обладают ее собственные граждане? В какой части России можно найти свободную прессу, политические, гражданские или религиозные права? Российская пресса подвергается жесточайшей цензуре, а система образования, посредством которой знания стали бы доступны всему населению, отсутствует. Для крестьян существует один закон, а для чиновников — другой. И эту цивилизацию, из-за трусости и нерешительности западных стран, Россия пытается навязать Китаю!»³¹.

Помимо Forum, «дальневосточный вопрос» широко освещался в еженедельном американском журнале The Literary Digest. На фоне событий в Маньчжурии в этом журнале в 1903 г. вышла редакционная статья под названием *Coolness between Russia and The United States* («Охлаждение отношений между Россией и США»), в которой рассматривалось влияние политики Российской империи на Дальнем Востоке на ее отношения с США. «Дружественные отношения между США и Россией, которые многие еще так дипломатично называют «традиционными», будут вскоре подвергнуты серьезным испытаниям. Будущее этих отношений напрямую зависит от политики России, которую она проводит на Дальнем Востоке. Для США очень важно, чтобы этот регион оставался свободным для американской торговли, однако позиция России в этом вопросе неоднозначная. И несмотря на многочисленные заверения официальных представителей России о предоставлении полной свободы американскому капиталу в Маньчжурии, Соединенным Штатам следует готовиться к худшему варианту развития событий»³².

Таким образом, в преддверии Русско-японской войны в Соединенных Штатах уже сформировался образ России как государства-соперника, чья экспансионистская политика на Дальнем Востоке шла вразрез с американскими интересами. Действия Российской империи по оккупации Маньчжурии вызвали резкую критику и протест в США как на официальном уровне, так и со стороны общественности. В американском публичном

дискурсе усиливались негативные образы России, ее нелицеприятные сравнения с Америкой в духе «прогресс — регресс», «страна свободы — страна бесправия» и т.п. Это привело к тому, что, хотя Япония первая совершила нападение и тем самым спровоцировала войну, симпатии американского народа и официальных лиц всецело были на ее стороне, а истинным зачинщиком войны в представлениях американцев выступала Россия. Американское общество почти единодушно поддерживало японцев, рассматривая Японию в качестве защитника не только своих собственных интересов, но и интересов всего мира, а Россию — как вероломного агрессора. Впоследствии победа Японии будет оцениваться как триумф принципов западной цивилизации и западной модели развития, а поражение России — как закономерное следствие ее отсталости и упадка.

В связи с началом Русско-японской войны в уже упоминавшемся *Literary Digest* появилась обзорная статья под названием *American Sympathies in a Russo-Japanese War* («Симпатии американцев в Русско-японской войне»), в которой проводился анализ отношения американского общества к этому вооруженному конфликту. «Ни одна из газет США, насколько нам известно, не призывает ни к чему, кроме поддержания нейтралитета США в войне Японии и России, но в то же время, большинство изданий желает победы Японии. Разговор о традиционной исторической дружбе США и России уже не воспринимается всерьез, ее цивилизованность ставится под вопрос, ее правительство осуждается, а торговая политика на Дальнем Востоке представляет угрозу нашим интересам. Отношение к Японии совершенно другое. Американская пресса с гордостью отмечает, что именно американец М.К. Перри открыл Японию для цивилизованного мира, и выражает надежды, что она выстоит, став защитником всей Азии. Большинство уверено, что в случае победы Японии американская торговля в этом регионе будет только расти и процветать, а если победит Россия, то «дверь» на этот рынок быстро закроется»³³.

В феврале 1904 г. в том же журнале была опубликована статья, посвященная в основном описанию «героического» поведения Японии в военном конфликте. «Япония оказалась прижатой к стене, где надо было выбирать либо битву, либо поражение. Поэтому Соединенные Штаты ни в коем случае не могут осуждать японцев за те меры самозащиты, которые они для себя избрали. А когда становится ясно, что основное стремление Японии — заставить Россию соблюдать территориальную целостность и суверенитет Китайской империи в соответствии с международными договоренностями, которых, в свою очередь, придерживаются и Соединенные Штаты, становится понятно, что война Японии — наше общее дело»³⁴.

Позже, в 1904 г. в продолжение темы о симпатиях и предпочтениях американского общества, вышла интересная статья в ежемесячном журнале *Century* под названием *American Sentiment Concerning Russia and Japan* («Настроения американцев в отношении России и Японии»), в которой были подробно рассмотрены причины усиления антироссийских настроений в США. Согласно публикации такие перемены были, в первую очередь, вызваны событиями, которые происходили внутри самой России. «Причины американской антипатии (в отношении России. — *Авт.*) следует искать во внутренней политике самой России. За последние двадцать лет русское правительство сумело настроить против себя большую часть американского населения. Благодаря работам американских исследователей России, американское общество узнало о цензуре, о гонениях против евреев, об отсутствии должного правового регулирования, о деспотической власти и крайней отсталости Российской империи, что самым негативным образом отразилось на общем восприятии России в США. Впоследствии к этому еще добавилось и то, что интересы России на Дальнем Востоке тесно переплетались с интересами Соединенных Штатов, и США рисковали своими торговыми интересами в случае победы России»³⁵.

Дальнейший анализ антироссийских настроений американцев в русско-японском конфликте был предпринят в том же 1904 г. на страницах ежемесячного журнала

The Gunton's Magazine американским историком и журналистом С. Сэмсом в статье *The Interest of Civilization in the Russo-Japanese War* («Интересы цивилизации в Русско-японской войне») ³⁶. Автор публикации, продолжив аргументацию из вышеприведенной статьи в *Century*, писал о том, что впервые в истории большинство христианских стран, если не все, симпатизировали не христианской стране — России, а языческой стране — Японии. «Мы можем наблюдать поразительную аномалию, которая заключается в отношении европейских держав к войне между Японией и Россией. Возможно впервые симпатии христианского мира были направлены не в сторону христианского государства, а в сторону язычников» ³⁷. Сэмс объясняет это тем, что религиозный фактор с течением времени теряет свое значение и на первое место выходят вопросы развития и цивилизованности. «Это произошло, в первую очередь, из-за ее (российской. — *Авт.*) политической недобросовестности и из-за противоречий, которые вызвал ее абсолютизм. Как раз против духа абсолютизма, который проявляется в гонениях против евреев, в нарушении обещания об отводе войск из Маньчжурии, в оскорбительном поведении во время недавних переговоров с Японией, протестует и восстает цивилизованное человечество. Сегодня мы наблюдаем, что именно Азия в лице Японии олицетворяет цивилизацию, просвещение и свободу. Россия же до сих пор сохраняет элементы варварского государства и является единственной великой державой Европы, которая все еще придерживается принципов феодализма и абсолютизма» ³⁸. В заключительной части статьи Сэмс делал вывод о том, что победа Японии будет означать победу всего цивилизованного мира с его принципами и идеалами, и, рано или поздно, приведет к краху абсолютизма в самой России. «Единственные народы, которых русские могут «развить» и «цивилизовать», — дикари северных азиатских степей. Победа России означала бы триумф тех принципов, от которых просвещенная Европа отказалась столетие назад. С другой стороны, победа Японии принесла бы пользу всему миру. Япония, будучи самой прогрессивной и просвещенной страной на Дальнем Востоке, способна распространить принципы и идеалы цивилизованного мира на остальные государства в этом регионе. Она бы не препятствовала развитию международной торговли, и сама бы стала одной из ведущих экономических держав. Поэтому неудивительно, что симпатии американцев в этом конфликте на стороне Японии» ³⁹.

Несмотря на всю критику и неблагоприятные для России сравнения, ряд политиков, дипломатов, исследователей и публицистов все же придерживались более взвешенных оценок России и ее перспектив, хотя, в большинстве, также остро критиковали крайне неэффективный, деспотический самодержавный режим.

Очень важной и показательной в рассматриваемом контексте является позиция тогдашнего президента США Т. Рузвельта, который позитивно оценивал будущее России, но поддерживал Японию из прагматических соображений, одновременно сильно критикуя царскую власть. «Меня многое восхищает в русских, и я верю в будущее славян, им надо только найти верный путь. Но пока жив деспотизм, у русских нет будущего. Японцы — настоящие азиаты, но и они не находятся под властью такого деспотизма, как русские... Цивилизованным людям намного лучше жилось бы в Японии, нежели в России...» ⁴⁰ Славяне — великая нация, но в случае победы японцев не только Россия, но и весь мир встретит новую силу в Восточной Азии... По моему твердому убеждению, Япония будет развиваться сама и будет помогать в развитии Китаю, что со временем превратит обе страны в цивилизованные державы. Но эта цивилизованность, конечно, будет отличаться от нашей... Однако это всего лишь мои мысли. Возможно, будет и другой вариант развития событий, при котором оба государства будут воевать до своего полного истощения, что абсолютно исключит их угрозу в дальнейшем» ⁴¹. Уже после окончания войны, будучи посредником в заключении мирного договора, Рузвельт фактически предрекал скорое падение деспотического режима в России: «Возможно ли вообразить более жалкое зрелище, чем то, которое русский деспотизм нам предоставил? Нелепый Царь —

абсолютный властитель миллионного народа. Не мог вести войну, теперь он не может заключить мир»⁴².

В преддверии переговоров о мире вышла статья Фредерика Райта, известного американского специалиста по Дальнему Востоку и России, в которой он призывал американское общество снять романтическую завесу с образа Японии и попытаться детально проанализировать действия России в этом регионе. Райт писал, что победа Японии не такая очевидная, а поражение России не такое сокрушительное. В результате войны в Японии произошел финансовый кризис, который сильно ударил по экономике государства. Автор также напоминал, что Япония, как и Россия, несла потери, японцы утратили почти весь флот, что требовало огромных ресурсов для его восстановления. Райт указывал и на то, что Япония, отразив удары в своем регионе, была абсолютно не способна продвигаться дальше вглубь России, поэтому о сокрушительной победе говорить не приходится. В свою очередь, Райт обосновывал дальневосточную политику России процессом миграции и хозяйственного развития территорий в данном регионе, а американцам, которые критиковали и винили во всем российский политический режим, Райт предлагал посмотреть на свои собственные проблемы и попытаться понять, что и у США их хватает. Райт обращался к сознательной части американского общества и рекомендовал переосмыслить позицию, где доминировала безудержная критика России, одновременно он призывал американцев поддержать начинающиеся переговоры о мире в Портсмуте⁴³.

Другой исследователь Дальнего Востока Дж.Г. Вильсон попытался подытожить, что американцам дала Русско-японская война: «10 лет назад ни один китаец не мог подумать о том, чтобы возразить что-либо американцам. Любой китаец предпочитал американские товары и американцев другим народам. Китайцы уважали американцев больше чем европейцев... Мне кажется, что так оно и было бы по сей день, не будь уроков, преподанных им Японией»⁴⁴. Вильсон считал, что ослабление позиций США в этом регионе произошло именно из-за того, что американцы в Русско-японской войне отдали свои предпочтения японской стороне.

В продолжение идей Вильсона в журнале *North American Review* были подведены некоторые итоги Русско-японской войны. Касательно России отмечалась тесная взаимосвязь поражения и дальнейших внутривнутриполитических изменений в империи. А Япония, переняв ценности западной цивилизации, окрепла, победила в войне и теперь займется распространением своего влияния на весь дальневосточный регион⁴⁵.

Русско-японская война несомненно стала мощным катализатором радикальных внутривнутриполитических изменений в Российской империи. Война серьезно ослабила страну, тем более она наложила на тяжелый внутренний аграрный, промышленный и финансовый кризис, и это было на руку США и другим крупнейшим державам, боровшимся за мировое лидерство. В итоге Русско-японская война добавила очень существенный, завершающий компонент в формировавшийся на рубеже XIX–XX вв. демонический образ России в представлениях американцев: на полное неприятие и неприкрытое желание скорейшего падения деспотической царской власти со всеми ее атрибутами наложилось видение России как опасного геополитического соперника, несущего свою отсталость другим народам, которого, соответственно, надо всеми силами ограничивать и стремиться ослабить.

В результате разногласий на Дальнем Востоке в российско-американском обществе возник устойчивый геополитический конфликт, разрушавший бывшие дружественные связи и вышедший на первый план в период острого кризиса двусторонних отношений во время Русско-японской войны. В дальнейшем этот конфликт превратился в перманентную составляющую межгосударственных отношений и представлений о России в американском обществе.

Борьба различных стран за расширение своего влияния и роли в Азиатско-Тихоокеанском регионе, куда сегодня переместился центр экономического роста, продолжает-

ся и в настоящее время, причем не менее интенсивно, чем на рубеже XIX–XX столетий. Современной России необходимо последовательно наращивать политическую и хозяйственную активность на данном направлении. Причем это касается как собственных территорий Восточной Сибири и Дальнего Востока, которые обладают огромным и далеко не полностью раскрытым природно-ресурсным потенциалом, так и отношений с ключевыми странами Тихоокеанской Азии — Китаем, Японией, Южной Кореей, государствами АСЕАН. Непоследовательная, противоречивая внешняя и торговая политика нынешней американской администрации создает определенное «окно возможностей» для улучшения политического и экономического позиционирования России в АТР. Таких возможностей на рубеже XIX–XX веков не было. Выстроив эффективные интеграционные конфигурации в АТР, в том числе в рамках продвигаемого Россией мегапроекта Большого Евразийского партнерства, наша страна гарантирует устойчивость своих геоэкономических и геополитических позиций в мире, независимо от действий США.

1. Тимошина Т.М. Экономическая история России. М.: Информационно-издательский Дом «Филинь», 1999. С. 141.
2. Maddison A. The World Economy: Historical Statistics // OECD. Paris, 2003. P. 261.
3. Keller W., Li B., Shiue C.H. China's Foreign Trade: Perspectives From the Past 150 Years. Princeton University, University of Colorado and CEPR, 2010. P. 41–42.
4. В 1913 г. против 1900 г. российский экспорт в Китай вырос в 4 раза (16 и 4 млн долл. соответственно), американский — менее чем в 1,5 раза (22 и 15 млн долл.). См.: International Trade Statistics 1900–1960. New York: UN, 1962. 82 p. URL: <https://unstats.un.org/unsd/trade/IMTS/Historical%20data%201900–1960.pdf>.
5. Хромов П.А. Экономическая история СССР. Период промышленного и монополистического капитализма в России. М.: Высш. школа, 1982. С. 120–121.
6. Крестьянство в эпоху капитализма / отв. ред. Л. М. Горюшкин. Новосибирск: Наука. Сиб. отделение, 1983. 400 с.
7. Хромов П.А. Экономическое развитие России в XIX–XX вв. М.: Госполитиздат. 1950. С. 210.
8. Hine R., Faragher J. The American West. A new interpretive history. New Haven and London: Yale University Press, 2000. P. 202.
9. Эдвин Аугустус Гросвенор (Edwin Augustus Grosvenor) (1845–1936) — американский историк, профессор Амхерстского колледжа. *Grosvenor E.A. Siberia* // The National Geographic Magazine. Washington. National Geographic Society, September 1901. Vol. XII, № 9. P. 317–324.
10. Джордж Кеннан (George Kennan) (1845–1924) — американский журналист, путешественник, писатель, автор книг о Сибири и каторжной системе в России, вдохновитель так называемого крестового похода за свободную Россию.
11. Джордж Фредерик Райт (George Frederick Wright) (1838–1921) — американский ученый, геолог, профессор колледжа Оберлин. *Wright G.F. Asiatic Russia*. In 2 Vols. New York: McClure, Philips&Co., 1903. 637 p.; *Wright G.F. The Russians in Manchuria* // The Nation. New York: New York Evening Post Company. Vol. LXXI. From July 1, 1900 to December 31, 1900. Sept. 13, 1900. P. 207–208.
12. Альберт Еремия Беверидж (Albert Jeremiah Beveridge) (1862–1927) — американский историк, профессор, сенатор от штата Индиана. *Beveridge A.J. The Russian Advance*. New York and London: Harper & Brothers Publishers. 1903. 486 p.
13. Hill E.J. A Trip Through Siberia // The National Geographic Magazine. Washington: National Geographic Society. February, 1902. Vol. XIII. № 2. P. 53; *Beveridge A.J.* Op. cit. P. 21, 69, 76, 194, 206, 386.
14. Hill E.J. Op. cit.
15. *Beveridge A.J.* Op. cit. P. 35, 41, 74, 187–193.
16. Ibid. P. 108–109, 340, 368, 380–381, 391, 395–399, 402–412.
17. Saul N.E. Concord and Conflict. The United States and Russia, 1867–1914. Lawrence: University Press of Kansas, 1996. P. 431–432.
18. McCarty W.F.M. Russia's plans and purposes // The North American Review. Vol. CLXIV. № 486. New York. 291 Fifth Avenue. May 1897. P. 585–591.

19. Г. Адамс — Г.К. Лоджу, 4 августа 1891 г. // LHA. Cambridge, 1982. Vol. 3. P. 519.
20. *Foulke W.D.* Slav or Saxon. A Study of the Growth and Tendencies of Russian Civilization. 2nd Ed. New York: G.P. Putnam's sons, 1898. 141 p.
21. Альфред Тайер Мэхэн (Alfred Thayer Mahan) (1840–1914) — американский военно-морской теоретик и историк, контр-адмирал, один из родоначальников геополитики. *Mahan A.T.* The Problem of Asia and Its Effect upon International Policies. Boston: Little, Brown and Company, 1905. 223 p.
22. Брукс Адамс (Brooks Adams) (1848–1927) — американский историк, философ и политолог; внук Куинси Адамса; критик капиталистической системы. *Adams B.* Russia's Interest in China // *The Atlantic Monthly*. Vol. LXXXVI. Boston and New York: Houghton, Mifflin and Company, 1900. P. 309–317; *Adams B.* The New Empire. New York: The Macmillan Company, 1903. 243 p.
23. Пол Самюэль Рейнш (Paul Samuel Reinsch) (1869–1923) — американский политолог, дипломат, доктор философии (1898); один из основателей Американской ассоциации политических наук (1904). *Reinsch P.S.* World Politics at the End of the 19th Century, as Influenced by the Oriental Situation. New York and London, 1900. 366 p.
24. *Ibid.* P. 211–212.
25. *Ibid.* P. 220.
26. *Ibid.* P. 256–257.
27. *Ibid.* P. 318.
28. Альфред Маурис Лоу (Alfred Maurice Low) (1860–1929) — американский историк, журналист. *Low A.M.* Foreign Affairs // *The Forum*. New York, July 1903 — June 1904. Vol. XXXV. P. 16–34.
29. *Ibid.* P. 16–17.
30. *Ibid.*
31. *Ibid.* P. 33.
32. Coolness between Russia and The United States / Editorial // *The Literary Digest*. Funk & Wagnalls Company. January 1903 — June 1903. Vol. XXVI. P. 764.
33. American Sympathies in a Russo-Japanese War / Topics of the Day / Editorial // *The Literary Digest*. Funk & Wagnalls Company, January 1904 — June 1904. Vol. XXVIII. P. 101.
34. *Ibid.* P. 207.
35. American Sentiment Concerning Russia and Japan / Editorial // *The Century Illustrated Monthly Magazine*. The Century CO., New York, May 1904 — October 1904. Vol. LXVIII. P. 815–816.
36. Стэнхоуп Сэмс (Stanhope Sams) (1860–1933) — американский историк и журналист. *Sams S.* The Interest of Civilization in the Russo-Japanese War // *The Gunton's Magazine*. Ed. By George Gunton. Washington. January 1904 — June 1904. Vol. XXVI. P. 441–450.
37. *Ibid.* P. 441.
38. *Ibid.* P. 442–443.
39. *Ibid.* P. 449.
40. T. Roosevelt — C.A. Spring Rice, 13 June, 1904 // *The Letters of Theodore Roosevelt* / ed. by E. Morrison. Vol. IV: The Square Deal, 1903–1905. Harvard University Press, 1951. P. 829, 831–832.
41. T. Roosevelt — C.A. Spring Rice, 19 March, 1904 // *Ibid.* P. 760.
42. T. Roosevelt — J. Hay, 2 April, 1905 // *Ibid.*, P. 1158.
43. *Wright G.F.* The Situation in Manchuria // *The Nation*. 1905. Vol. LXXX. From January 1, 1905 to June 30, 1905. New York: New York Evening Post Company, 1905. P. 265–266.
44. Джеймс Харрисон Вилсон (James Harrison Wilson) (1837–1925) — американский военный инженер-топограф, историк. Questions of the Far East as affected by the peace // LC. MD. James Harrison Wilson Papers. Box 52. P. 1, 20.
45. *Brooks S.* Some Results of the War // *The North American Review*. Vol.: CLXXXI. New York: Franklin Square, 1905. P. 588–596.